

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. 1739—1758 гг. [Редакторы седьмого тома: В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок.] М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 996 стр.

(Общий обзор)

Выход в свет нового академического издания сочинений великого русского ученого и выдающегося поэта XVIII в. М. В. Ломоносова бесспорно является крупным событием в культурной жизни нашей страны. Впервые труды Ломоносова станут доступными широкому слою советских читателей в более или менее полном объеме, в строго выверенных текстах, в сопровождении необходимого комментария.

Предшествующее академическое издание полного собрания сочинений Ломоносова было предпринято в 1887 г. под редакцией акад. М. И. Сухомлинова. В 1891 г. вышел первый том этого издания, за ним в течение десяти лет последовали тт. II—IV, т. V вышел в 1902 г. уже после смерти редактора (1901). Тт. VI—VII были подготовлены к печати еще до Октябрьской революции Г. М. Рязевым и Б. Н. Меншуткиным, но вышли в свет в 1934 г. В 1948 г. под редакцией акад. С. И. Вавилова был издан последний том старого академического издания сочинений Ломоносова (VIII), подготовленный Л. Б. Модзалевским и содержавший переписку Ломоносова с 1737 по 1765 г. Одновременно с выходом в свет т. VIII было предпринято Академией наук СССР новое издание полного собрания сочинений Ломоносова, которое, в отличие от предшествующего, рассчитанного на высококвалифицированного «академического» потребителя, обращено к широкому кругу советских читателей. Новое издание не имеет «академического» характера в прежнем понимании слова: и по принципам подачи текста, и по построению комментария, и по внешнему оформлению оно отвечает современным советским научно-издательским требованиям. Прежнее же издание печаталось большим неудобным форматом, каждый том (из вышедших под редакцией акад. М. И. Сухомлинова) делился на три отдельно размещенные части: основной текст, текстологические разночтения и комментарии; в результате читателю приходится при чтении чуть ли не каждой строки текста обращаться еще в два места книги.

В отношении подачи текстов издание под редакцией акад. Сухомлинова также не может быть признано удовлетворительным: редактор, специалист по истории древнерусской литературы, применяя при издании сочинений Ломоносова принцип, вполне законный при публикации памятников XI—XVII вв. и неприемлемый для издания текстов XVIII—XX вв. «Существенное условие издания литературного памятника, — писал М. И. Сухомлинов в предисловии к т. I академического издания сочинений Ломоносова, — заключается в точном сохранении первоначального текста, с указанием тех изменений, которые делались самим автором»¹. Между тем советская текстология главным образом признает принцип «последней воли», то есть принимает за основу наиболее совершенную, законченную писателем редакцию произведения.

На практике М. И. Сухомлинов не всегда соблюдал принятое им «существенное условие», причем — и это особенно досадно — не оговаривал отступления от этого принципа в соответствующих местах текстологических примечаний. Комментарии М. И. Сухомлинова также не могут удовлетворить современным требованиям, так как и в этой части своей работы он применял приемы, характерные для тогдашнего состояния истории древнерусской литературы: «объяснительные примечания» М. И. Сухомлинова, в основном, сводились к разысканию «источников» Ломоносова в античных и западных литературах, к сообщению библиографических и историко-литературных данных, необходимых для понимания отдельных мест текста, и оставляли совершенно затронутыми вопросы языка, стиля и социально-политической и научной борьбы, отразившейся в том или ином произведении Ломоносова. Не нашли достаточного места в сухомлиновском издании и так называемые «реальные» примечания, т. е. пояснения всего того, что относится к бытовой и культурной обстановке времени Ломоносова.

¹ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснит. примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. I, СПб., изд. Акад. наук, 1891, стр. VII.

Помимо всего сказанного, академическое издание 1891—1948 гг. было далеко не полным: в него не вошло значительное количество научных и художественных произведений Ломоносова, в том числе и такие важные работы, как «Письмо о сохранении и размножении русского народа», «Наброски плана русской истории», «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» и др. Вне издания остались многочисленные черновые заметки («ноты», как он их называл) и служебные бумаги Ломоносова. Частично они были использованы в комментариях к тт. I—V и VIII (тт. VI и VII вышли без примечаний, а также и без перевода значительной части произведений Ломоносова, написанных на латинском языке).

Всем сказанным определяются особенности нового академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова. Как указывает Редакция, «настоящее издание сочинений Ломоносова, предпринятое Академией наук СССР, наиболее полное из всех...»². В него включено «... несколько сот документов..., не вошедших в последнее академическое издание и ранее не опубликованных. В число этих документов входит ряд статей и заметок научного значения, автобиографические документы, переводы и разнообразные служебные бумаги, характеризующие Ломоносова как выдающегося организатора русской науки и просвещения XVIII в. Особо следует отметить документы, относящиеся к деятельности Ломоносова как ученого-экспериментатора»³.

В статье «От редакции», сопровождающей т. I нового академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова, подробно изложены принципы издания, которые, насколько можно судить по выпшедшим томам, действительно соблюдаются редакторами отдельных томов. Не указано, к сожалению, главное: какой принцип воспроизведения текста произведений Ломоносова, печатавшихся при его жизни несколько раз, положен в основу издания — по первой ли публикации, как было в издании акад. Сухомлинова, или согласно «последней воле». На практике в каждом отдельном случае в комментариях указывается, какой текст печатается в данном томе. Однако отсутствие общего принципа, обязательного для всего издания, позволяет редакторам отдельных томов проявлять то, что в недавних спорах по вопросам текстологии получило в советской прессе название редакторского самоуправства. Так, например, в т. I «Волфианская экспериментальная физика» была напечатана не по изданию 1760 г., а по первому — 1746 г. на том основании, что «никаких сколько-нибудь существенных расхождений в текстах» не обнаружено⁴. В этом суждении сказалось различное понимание основного принципа советской текстологии представителями разных специальностей, участвующими в академическом издании. Речь идет не о «сколько-нибудь существенных расхождениях в текстах», а о самом принципе — о необходимости печатать редакции, подвергшиеся обработке автора, хотя бы только стилистической.

На всех этих общих вопросах нового издания, как будто не имеющих непосредственного отношения к тому, содержащему филологические труды Ломоносова, нам пришлось остановиться потому, что было бы совершенно ошибочно считать, что для языковеда все прочие тома нового «Полного собрания сочинений» гениального ученого интереса не представляют. Напротив, только теперь, когда мы получали, наконец, полное и более или менее точное издание произведений Ломоносова, можно будет по-настоящему изучить и оценить его основополагающую роль в истории русского литературного языка, можно будет рассеять ряд неверных представлений о языке Ломоносова, сложившихся еще в первой половине XIX в. и по традиции повторяющихся и в работах советских языковедов и литературоведов, например, о якобы сплошной латинско-германской конструкции ломоносовской речи и др. Особенно важен для языковедов т. VI, содержащий труды Ломоносова по истории и географии. В своих исторических работах Ломоносов неоднократно затрагивал вопросы языка, и, может быть, было бы бесполезно заниматься специальным вопросом о месте языковых данных в исторических концепциях великого ученого, в частности обратить внимание на неоднократные упоминания о сходстве и изменениях языков в «Древней Российской истории», в «Замечаниях на диссертацию Миллера», отчасти и в «Кратком Российском летописце».

Совершенно естественно, что из всех выпшедших томов нового издания сочинений Ломоносова (I—III, VI и VII) особенное внимание языковедов привлекает т. VII, содержащий труды по филологии, в частности по языкознанию. Действительно, новое издание филологических трудов Ломоносова представляет огромный практический и исторический интерес и позволяет с еще большей глубиной и отчетливостью поставить вопрос о месте Ломоносова не только в истории отечественной, но и мировой филологической науки.

Советские языковеды, высоко ценя вклад Ломоносова в русскую филологическую науку, подходят к его трудам с необходимыми историческими мерками, которые одни только и могут дать настоящее представление о всем величии заслуг Ломоносова перед

² М. В. Ломоносов, Полное собр. соч., т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 602.

³ Там же, стр. 602—603.

⁴ Там же, стр. 578.

русской культурой. В самом деле, именно сейчас мы можем по-настоящему понять всю глубину, всю гениальность его филологических воззрений. Впервые полностью опубликованные в новом издании «Материалы к Российской грамматике»⁵ вводят нас в творческую лабораторию великого ученого. Благодаря этому, к тому кругу источников, по которым мы до сих пор судили о Ломоносове-языковеде, прибавился еще один и — для исследователя — едва ли не самый замечательный. Именно «Материалы к Российской грамматике» (название это дано Редакцией) позволяют представить себе объем лингвистических интересов Ломоносова в гораздо больших размерах, чем это можно было сделать по его печатным трудам. На основании материалов т. VII можно смело поставить вопрос о мировом значении вклада в науку, сделанного Ломоносовым как одним из ранних языковедов-материалистов, широко наметившим пути лингвистических исследований.

Критериями для определения значения каждого нового издания произведений какого-либо автора — безразлично, литератора или ученого — является установление: а) степени полноты издания, б) степени точности воспроизведения текста, в) соответствия комментария поясняемому материалу. В отношении полноты рецензируемый том представляет значительный шаг вперед по сравнению с предшествующим академическим изданием (в котором филологическим трудам были отведены два тома — III и IV). В рецензируемом томе впервые напечатаны полностью упомянутые выше «Материалы к Российской грамматике» (стр. 595—760) и конспект статьи о переводах (стр. 767—768). Кроме того, из черновых рукописей Ломоносова извлечены иногда значительные по объему и не лишённые интереса отрывки, которые печатаются на соответствующей странице под строкой. Таковы, например, отрывки из «Примечаний на предложение о множественном окончании прилагательных имен». Иногда зачеркнутые строки даже меньшего объема представляют значительный интерес. Так, например, в § 106 печатного «Краткого руководства к красноречию» Ломоносов привел в качестве иллюстрации того, как оратор должен возбуждать в слушателях чувство печали, отрывок из надгробного слова знаменитого французского проповедника Флешье; после цитаты в рукописи Ломоносова следовали зачеркнутые потом строки: «Но лучшие сего примеры читать можно в словах надгробных покойного Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского» (стр. 174).

В другом месте того же произведения Ломоносов зачеркнул написанную на полях эпиграмму, возможно, направленную против стихотворца М. Г. Собакина:

Ты бледен, ты ж и мал, и крив, и шепеляв.

Чудесно, если ты имеешь добрый нрав (стр. 164).

Иногда зачеркнутые строки дают возможность судить о политических воззрениях Ломоносова, о которых нам известно не слишком много. В печатном тексте «Краткого руководства к красноречию» в § 273 дается пример раздельного силлогизма: «Или уповать на бога или на князей, сынов человеческих; но уповать на них ненадежно; следовательно, лучше уповать на бога» (стр. 328); в корректуре этого произведения находится более острая формулировка: «Или должно уповать на бога, или на князей земных; но на князей земных уповать не должно; следовательно, должно уповать на бога» (стр. 327 или см. прим. «г» на стр. 328).

Ценным дополнением к уже известным текстам Ломоносова являются приводимые в примечаниях к «Российской грамматике» разночтения из напечатанного при жизни Ломоносова и под его непосредственным наблюдением немецкого перевода его труда. По указанию Редакции, было произведено сличение немецкого перевода с русским подлинником, причем было установлено наличие большого числа расхождений, в большинстве случаев мало существенных. Только в пяти параграфах (81—83, 572 и 592) были обнаружены значительные разночтения, притом такого характера, что сомневаться в участии в них Ломоносова нет оснований. Первые три особенно важны, так как уточняют и развивают точку зрения Ломоносова на некоторые вопросы философии языка. Так, в русском тексте § 81 «Российской грамматики» начинается тезисом: «Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния» (стр. 418); в немецком переводе последнее слово заменено тремя: *Wirckung, Handlung oder Eigenschaft*. Эти слова сопровождаются в примечаниях переводом: «действие, деяние или свойство» (стр. 868). Едва ли такой перевод можно признать правильным: чем отличается «действие» от

⁵ Редакция дважды утверждает, что «Материалы» печатаются полностью и в последовательности подлинника впервые (см. т. 7, стр. 776 и 900); однако странным образом в томе отсутствуют: а) «Реестр Российским продуктам, натуральным и рукотворным, для скорого прииску сочиненной по алфавиту», наход. в «Материалах» (лл. 91—95) и опублик. в кн. А. С. Будиловича «М. В. Ломоносов, как натуралист и филолог», СПб., 1869, стр. 23—25 второй пагинации; б) запись метрических схем народных песен (л. 132 об. — А. С. Будилович, указ. соч., стр. 35 второй пагинации).

«деяния»? и следует ли переводить эти слова точно по словарям? Мне кажется, что Wirkung, Handlung oder Eigenschaft надо передать: «переходящее действие, непреходящее действие или состояние». Это предположение подтверждается смыслом § 82: «Предложенные вещи деяние относится к другой и на оную действует или в ней самой остается. В первом случае требуется для наполнения разума другой вещи именованье, напр.: *облаки покрыли небо*. Во втором случае довольно одного имени, и для того *земля тучищет* дает довольный разум» (стр. 418). В немецком переводе слово «деяние» в этом параграфе передано через Wirkung und Handlung. Слово Eigenschaft, которое в примечаниях переведено как «свойство», в немецком переводе § 83 передано через два слова die Beschaffenheit, die Eigenschaften «состояние», «свойства» (стр. 868). Однако по прямому смыслу соответствующего текста видно, что Beschaffenheit Ломоносов понимал не как «состояние», а как «состав», «то, из чего вещь состоит».

Имеются и другие существенные дополнения в немецком переводе «Грамматики» Ломоносова, например, на стр. 864—865, 869, 870—871, 875, 876. Все эти добавления едва ли могут быть признаны «незначительными», как характеризует их Редакция. Таким образом, новое издание филологических трудов Ломоносова обогащено рядом важных и ценных текстов, значительно расширяющих наши знания о великом русском филологе. Но вместе с тем Редакция не включила в состав данного тома ряд материалов, которые безусловно должны были найти место среди филологических трудов Ломоносова. Сюда в первую очередь относятся наиболее ранние филологические суждения Ломоносова — его пометки 1736—1739 гг. на принадлежавшем ему экземпляре «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского (1735). Отсутствие этих материалов тем более удивительно, что в сухомлиновском издании они были напечатаны, хотя и не полностью (см. т. III, стр. 6—11 второй пагинации); кроме того, в академических и даже неакадемических изданиях других русских писателей подобные пометки воспроизводятся, например, заметки Пушкина на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова и др.

Не нашел места в рецензируемом томе и непосредственно относящийся к лингвистическим занятиям Ломоносова «Список грамматик иностранных языков»⁶. Непонятно также, почему Редакция не сочла нужным ввести в состав рецензируемого тома так называемое «Примечание», представляющее отзыв Ломоносова о речи аббата Лефевра «О постепенном развитии изящных наук в России»⁷. Наконец, Редакция совершенно обошла молчанием вопрос о статье «О качествах стихотворца рассуждение», анонимно напечатанной в «Ежемесячных сочинениях» (1755, май), которую я приписывал и продолжаю приписывать Ломоносову, а покойный Л. Б. Модзалевский — Г. Н. Теплову. Редакция не сочла нужным даже в негативной форме остановиться на этом вопросе, о чем приходится пожалеть.

Ограничившись сказанным относительно полноты нового издания филологических трудов Ломоносова, обратимся к вопросу о степени точности воспроизведения текстов. Для того чтобы ответить на этот вопрос с совершенной убежденностью, следовало бы сверить текст за текстом, слово за словом рецензируемое издание с его источниками, чего мы сейчас сделать не можем. Поэтому можно отметить только ошибки, сразу бросающиеся в глаза.

Так, в «Примечаниях на предложение о множественном окончании прилагательных имен» Ломоносов сопоставляет «малороссийский» диалект «с нашим» и далее говорит об окончании прилагательных: «Итак, ежели н а м (разрядка моя. — П. В.) в сем случае малороссиянам последовать, не взирая на общее употребление, то великороссийской язык тем больше испортится, нежели исправится»⁸. В рецензируемом изда-

⁶ Заглавие дано Л. Б. Модзалевским в кн. «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание» (Л.—М., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 52); список этот воспроизведен в «Истории Имп. Академии наук» П. П. Пекарского (т. II, стр. 950). В этом перечне рукою Ломоносова перечислены грамматики и лексиконы шести языков. За перечнем грамматик следует список тридцати языков; против некоторых, очевидно, тех, с которыми Ломоносов был знаком, поставлен крестик. Невключение этого документа в новое издание следует признать безусловным упущением.

⁷ «Примечание» это было впервые опубликовано в «Летописях русской литературы и древности» Н. С. Тихонравова (т. II, отд. III, М., 1859, стр. 105—106 второй пагинации), а затем в «Истории Имп. Академии наук» П. П. Пекарского (т. II, стр. 686). О речи аббата Лефевра см. в моей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 252—266).

⁸ П. П. П е к а р с к и й, Дополнительные известия для биографии Ломоносова, (Прилож. к VIII тому «Записок Имп. Акад. наук», № 7), СПб., 1865, стр. 117; Сочинения М. В. Ломоносова, с объяснит. примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. IV, СПб., изд. Имп. Акад. наук, 1898, стр. 2.

нии почему-то напечатано: «Итак, ежели в а м в сем случае малороссиянам послевать...» (разрядка моя. — П. Б.; стр. 83).

В «Письме о правилах российского стиховорства» Ломоносов привел пример «вольных встающих тетраметров» в форме четверостишия:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однака с ним любовь моя:
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Миртиллу, как себя.

Рукопись этого произведения до нас не дошла, оно было впервые опубликовано епископом Дамаскином в вышедшем под его редакцией собрании сочинений Ломоносова в 1778 г. Здесь слово *однака* (в значении «одинакова») было неправильно понято как союз «однако». Так эта ошибка (или, может быть, опечатка) прошла через все последующие издания сочинений Ломоносова, включая и рецензируемое (стр. 17), хотя она лишает стихотворение смысла.

На стр. 769 помещено воспроизведение рукописи ломоносовской заметки «О переводах». В строке 6 сверху, вслед за словами *на французск.* идет слово *надочь* или *надоть*. А. С. Будилович, публикуя заметку «О переводах», прочитал *надать* и, не будучи уверен в правильности своего чтения, поставил рядом знак вопроса⁹. П. П. Пекарский прочел это место так же, уже без колебаний¹⁰. В рецензируемом издании спорное место прочтено *но дочь*, хотя на факсимиле первый слог ясно читается как *на*, а не как *но*.

Приведенные примеры показывают, что ошибочные чтения, незамеченные опечатки немногочисленны, и в целом издание следует признать в текстологическом отношении стоящим на высоком научном уровне. Большим достоинством рецензируемого тома является то, что тексты «Краткого руководства к красноречию» и «Российской грамматики» печатались по обнаруженным Редакцией ранее неизвестным последним прижизненным изданиям этих трудов Ломоносова, а не по первым, как было в сухомятинском издании.

Редакция поступила логично, нарушив в одном случае установленные для всего издания сочинений Ломоносова правила передачи текстов по новой орфографии: примеры в «Российской грамматике» и «Материалах» к ней печатаются в рецензируемом томе по орфографии Ломоносова, так как иначе они перестали бы, резонно замечает Редакция, отвечать своему назначению (стр. 777). Это обстоятельство позволяет читателю, не имеющему возможности обращаться непосредственно к первоисточникам ломоносовских текстов, делать наблюдения над некоторыми особенностями орфографии Ломоносова.

Жаль, что Редакция ничего не сказала о том, в какой мере соблюдалась пунктуация ломоносовских текстов. При сопоставлении текстов нового издания филологических трудов Ломоносова с прежними сколько-нибудь заслуживающих внимания расхождений обнаружить не удалось.

На достаточно высоком уровне стоит и комментаторская работа в рассматриваемом томе. Каждой работе Ломоносова, опубликованной в данном томе, посвящается комментарий, занимающий от полустранички петита (стр. 949) до 44 страниц [см. примечания к работам 6 (стр. 844—888) и 9 (стр. 900—943)]. Комментарий (как и во всех остальных томах данного издания) состоит из вводной заметки, содержащей археографические и библиографические сведения о данной работе, а также историко-литературные материалы по так называемой «творческой истории» ее; заключается подобный комментарий примечаниями реального и текстологического характера. В комментарии к «Российской грамматике» и в «Материалах» к ней большое место уделено взаимным отсылочным примечаниям, связывающим соответствующие места обеих работ Ломоносова. Ценность подобных примечаний бесспорна, и исследователь несомненно будет благодарен Редакции за эту невероятно кропотливую, трудоемкую работу. Однако приходится пожалеть, что Редакция в отдельных случаях ограничилась только такой формой комментария, к тому же не всегда точного¹¹.

Иногда не все в тексте получило необходимые пояснения. Так, на стр. 10 не объяснена фраза: «...откуда Славенския грамматики автору на ум пришло долгость и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять» (здесь и ниже разрядка моя. — П. Б.). Не прокомментировано на стр. 381 выражение:

⁹ См. А. С. Будилович, указ. соч., стр. 35 второй пагинации.

¹⁰ См. П. Пекарский, История Имп. Академии наук в Петербурге, т. II, СПб., 1873, стр. 953.

¹¹ См., например, на стр. 916 прим. 178 (к стр. 623), где сделана отсылка к §§ 101 и 103 «Грамматики» вместо § 104; на стр. 633 прим. 284 должно было быть отнесено на две строки выше и т. д.

«Сторож, не пускай никого лишних: вить здесь не мостовая», а на стр. 388 — «я стою во-первых у Аполлона... и начинаю первое лице» [эти слова, которые «произносит» буква *a* (= *аз*), обозначают, что имя «Аполлон» начинается с этой буквы; «начинаю первое лице» — в спряжении первое лицо начинается с *аз* — «я»]. На стр. 597 напечатано: «*R III ge it*»; последние слова не объяснены; они обозначают «*ge italicum*» — «итальянское же». Подобных примеров можно привести еще очень и очень много. На стр. 700 есть запись: «Писать было; даба (дабы? — П. В.). Мнѣ было говорить, а Тебѣ такъ не написать». В относящемся сюда примечании 747 даны простые отсылки к §§ 528—529 «Грамматики» (стр. 938). Между тем было бы полезно указать, что оборот «Мне было говорить» представляет вариант начала «Разговора Ломоносова с Анакреоном»: «Мне петь было о Трое».

Некоторые комментарии неправильны. Так, в примечании к работе 7 («О нынешнем состоянии словесных наук в России») слова: «Какофонии. Брачныя, браку» и «Не у места славенчизна. Дщерь» — пояснены не относящимися к делу материалом. В действительности же Ломоносов имел здесь в виду начало трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», открывающейся обращением Гостомысла к его дочери, Ильмене; последние строки этой реплики Гостомысла содержат и «какофонию» и «славенчизну»:

Уж к браку олтари цветами украшенны,
И брачные свечи в светильники вонзенны:
Готовься, дщерь моя, готовься внити в храм¹².

Однако ценность комментария в рецензируемом томе несомненна: он сделан с почти полным учетом современного состояния советской филологической науки. В ряде случаев приведены убедительные соображения относительно датировки отдельных работ Ломоносова, например «Письма о правилах российского стихотворства» (стр. 781—782). Иногда, впрочем, предлагаемые датировки сомнительны [«О переводах» (стр. 949), «Филологические исследования...» (стр. 944)] или вовсе неверны [«О нынешнем состоянии словесных наук в России» (стр. 889)]. В комментарии к работе «О нынешнем состоянии словесных наук в России» сказано, что «единственным ключом к датировке этого короткого отрывка служит та подчеркнутая похвала тогдашней Франции, с которой он начинается» (стр. 889), и далее приводятся сведения о перерыве дипломатических отношений между петербургским и версальским дворами в промежуток между 1748 и 1756 гг. Однако Редакция обходит молчанием тот факт, что в Петербурге в это время существовало французское консульство, функционировала при дворе французская труппа Сериньи (с 1742 г.), что именно на начало 1750-х годов приходится особенное увлечение французской культурой, что вице-канцлером был в это время М. И. Воронцов, по словам историка С. М. Соловьева, «старый приятель Франции», и что Шуваловы стояли за сближение с Францией. В 1755 г. в Петербурге выходил журнал на французском языке «*Le Caméléon littéraire*». Поэтому аргументацию комментатора признать убедительной нельзя. Приведенные выше данные о том, как следует толковать слова «Какофонии. Брачныя, браку» и «Не у места славенчизна. Дщерь», являются более надежным ключом для датировки этого отрывка: трагедия «Синав и Трувор» была написана в 1750 г., и, следовательно, «Нынешнее состояние словесных наук в России» — в начале 1750-х годов¹³.

Одним из полезных дополнений к новому изданию филологических трудов Ломоносова являются «Материалы для толкования устаревших слов», встречающихся в примерах, приведенных в «Российской грамматике» и «Материалах» к ней. Это — небольшой словарь, содержащий объяснения 233 слов, устаревших, либо вовсе вышедших из употребления, либо сохранившихся в местных говорах (стр. 950). Составительница этого приложения В. Н. Макеева не ставила своей целью дать исчерпывающий словарь всех подобных слов, а имела в виду предложить «некоторые материалы для толкования таких слов» (стр. 950).

Отбор слов в общем сделан удачно, хотя неизбежный в таких случаях субъективизм сказался и на данной работе. Так, на наш взгляд, едва ли целесообразно было вводить в словарь такие слова, как *бадьян, вап, вежса, гуня, есень, жселна, жслуди, иготь, инде, инуда, камка, каторга, колею—окозел, крыж, мокро, наслег, остен, полдесята, полтретья, прапор, прошлец, рамо, рыле, смольчуг, стамед, стегно, стремглав, сыта, тредорщик (тередорчик), фигля*. Большая часть этих слов должна быть хорошо известна филологам, занимающимся изучением языка памятников древнерусской литературы и литературы XVIII в. и даже более близкого к нам времени. С другой стороны, следовало бы включить в словарь такие слова, как *лева* (стр. 609), *клоч* (стр. 632, 633, 643),

¹² А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, ч. III, М., 1787, стр. 123.

¹³ Я попрежнему считаю правильной свою датировку отрывка «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (см. мою книгу «Ломоносов и литературная политика его времени. 1750—1765», стр. 158—159).

чилинецъ (=чилпец) (стр. 640), *дин* (стр. 643), *исхлой* (=тощий, высохший) (стр. 655), *налекаю* (стр. 661), *пять* (стр. 676) и др.¹⁴

К числу недочетов словарика В. Н. Макеевой следует отнести то, что ссылки на страницы, где находятся объясняемые слова, приводятся не полностью. Например, слово *кль* (стр. 958) указано как находящееся на стр. 641, 644 и 675; между тем, оно встречается еще раньше — на стр. 625 и 637. Таких случаев нами отмечено несколько.

Приведенные нами данные о текстологической и комментаторской стороне нового издания филологических трудов Ломоносова, а также о словарном приложении к ним свидетельствуют о большой работе, проделанной Редакцией, и о серьезном научном значении рецензируемой книги. Несмотря на недочеты в смысле полноты текстов и отдельных элементов их подачи, седьмой том академического издания сочинений великого ученого и поэта является новым важным этапом в изучении вклада Ломоносова в историю языковедческой науки. Не приходится говорить о том, что с выходом этого тома научная работа по изучению трудов Ломоносова должна будет строиться, в основном, именно на этом издании и что все предыдущие тем самым отменяются как утратившие свое значение.

В особенности важным для науки вкладом являются «Материалы к Российской грамматике», которые безусловно станут объектом специальных многочисленных разнообразных исследований и обобщений. Некоторые идеи, содержащиеся в «Материалах» Ломоносова, поражают своей глубиной и предвосхищением дальнейших достижений науки о языке. Таково, на наш взгляд, замечание Ломоносова о том, что «языки не меньше разнятся свойствами, нежели словами» (стр. 622). Если попытаться передать мысль Ломоносова нашим современным языком, то она, по нашему мнению, должна звучать так: «языки не меньше разнятся своим строем, нежели лексикой».

Вторая заслуживающая внимания мысль Ломоносова, часто мелькающая среди его «Материалов», — это мысль о необходимости выделить из всего богатства русского языка «первообразные российския слова» (стр. 606), составить «лексикон русских примитивов» (стр. 688). В написанном в конце жизни перечне своих научных трудов Ломоносов указывал, что «собрал лексикон первообразных слов российских» (старое академическое издание, т. VIII, стр. 276). Вероятно, лексический материал, вошедший в эти работы Ломоносова, близок к тому, что мы называем сейчас «основным словарным фондом» языка. «Материалы» свидетельствуют о живейшем интересе Ломоносова к вопросам сравнительно-исторического изучения языков. Любопытны собранные Ломоносовым материалы о влиянии литературы («фигур стихотворческих»), т. е. стилистики, на развитие языка (стр. 657).

Мы часто говорим о великом значении Ломоносова в истории русской филологической науки. Однако если не смешивать понятия «значение» и «влияние», если под словом «значение» понимать глубину, самостоятельность, свежесть и смелость научной мысли, мы имеем полное право говорить о мировом значении филологических воззрений Ломоносова — одного из первых филологов-материалистов XVIII в.

П. Н. Берков

М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. 1739—1758 гг. [Редакторы седьмого тома: В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок.] М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 996 стр.

(Лингвистический обзор)

Вышедший из печати седьмой том нового академического издания сочинений М. В. Ломоносова содержит труды, посвященные вопросам литературоведения и языкознания. Наибольшее значение в рассматриваемом томе имеют работы лингвистического характера. Однако интересные в лингвистическом отношении соображения мы находим и

¹⁴ Эти слова мы указываем по той причине, что из вводной заметки В. Н. Макеевой создается впечатление, будто весь подобный материал ею полностью исчерпан. Она пишет, что ей не удалось подыскать ни словарных, ни литературных материалов для толкования «очень немногих слов», и приводит только 8 слов [кстати, слово *ахид*, указываемое в этом перечне, имеется и в словаре Даля (столб. 78 по 4-му изд.), и в литературных источниках: напр., в комической опере М. Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор», действие I, явление 1-е: «Эдакой ахид!» («Русская комедия и комическая опера XVIII века», М.—Л., «Искусство», 1950, стр. 268)]. Упоминаемое в этом же списке слово *устрецъ*, вероятно, вариант слова *устрица*.